

Ирина Седова

Метафорическая
призма

Рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Борисовна Седова
Метафорическая призма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66929643

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказы о жизни, которую и нарочно не придумаешь.
Содержит нецензурную брань.

Ирина Седова

Метафорическая призма

Папа

Катя точно помнила день, когда детство закончилось. Начало августа, несколько лет назад. Она вернулась из лагеря, папа встретил её с автобуса, завезли вещи домой, съели по дошираку и сразу поехали на дачу, где их ждала мама. Папа был в плохом настроении, даже как-то нервничал, про лагерь слушать не хотел. Ну Катя и не стала рассказывать. На вокзале купила на свои карманные деньги тонкий девчачий журнальчик в дорогу и бутылку воды. До дачи – часа два.

Сначала повезло: только пришли на вокзал, через минуту отправление. И даже сели оба и рядом. Когда подъезжали к Икше, всё вдруг всё покатилося кувырком. В дверях показались контролёры и отец вскочил:

– Сейчас на остановке перебежим в тот вагон, который уже проверили.-

Испуганная Катя поспешила за ним. Встали в тамбуре, ожидая замедления поезда. Двое мужчин в форменных голубых рубашках методично двигались от пассажира к пассажиру, не пропуская ни одного.

– Пап, а почему мы просто билеты не купили? – неловко спросила Катя.

Как только двери открылись, отец схватил Катю за руку и потащил по платформе. У следующего вагона толпились пассажиры, пришлось пробежать дальше. “Осторожно, двери закрываются!” – недовольно пробормотал машинист. Отец уже упёрся рукой в ближайшую дверь, чтобы задержать её движение, и занёс одну ногу на порог тамбура, но вдруг громко матернулся и шагнул назад. В тамбуре стояла ещё одна бригада контролёров. “Следующая станция – Яхрома. Морозки, Турист без остановок”. Двери электрички захлопнулись.

С мамой Катя никогда не попадала в такие ситуации, но видела, как на глазах у всего вагона контролеры выводили безбилетников, требовали заплатить штраф, пугали полицией. Это было ужасное зрелище, и Катя очень боялась когда-либо оказаться на месте тех пассажиров. Тяжело дыша от бега и волнения, она попыталась считать настроение отца. Он был ужасно бледен и пот градом катился по его лицу.

– Чёрт, до следующей электрички час, – сказал папа, обреченно посмотрев на расписание, и снова матернулся. Катя удивилась, что он позволяет себе такое при ней, но приняла это за доверие и отношение «как ко взрослой».

На платформе “Икша” было пустынно. Каждые десять минут отец закуривал сигарету, и Катя краем глаза замечала его трясущиеся руки. Докуривая, он вставал со скамейки, доходил до расписания, доставал из напоясной сумки телефон,

смотрел на экран, убирал телефон обратно, что-то искал в сумке, застёгивал её и снова садился рядом с Катей.

Ещё сорок минут. Ещё тридцать минут. Ещё двадцать. Наконец, вздохнул, как будто принял какое-то решение.

– Слушай, Кать, дай-ка мне водички. И оторви несколько страниц из твоего журнала.

– Да я же его только купила, пап. Новый номер, я вон только до десятой страницы долистала.

– Ну вот и вырви первые десять листов. Давай, побыстрее, мне отойти надо. -

Катя испуганно протянула весь журнал и воду. Отец схватил и быстро пошёл к концу платформы. Спускаясь по лестнице, столкнулся со старушкой, ругнулся, свернул в заросли высокой придорожной травы и скоро исчез из вида.

Сначала Кате стало смешно: “приспичит же...”, потом неловко – от того, что она застала отца в такой ситуации. Но когда он не вернулся через десять минут, Кате стало страшно. В голове что-то неприятно пульсировало. Может, ему стало плохо, и он потерял сознание? Вон какой бледный был. Должна ли она идти его искать? А вдруг он не успеет вернуться к электричке? А вдруг не вернётся совсем? Каждую минуту девочка оглядывалась. Дикие заросли, в которых скрылся отец, переходили в кусты, за кустами виднелся забор, за забором стояли технические постройки, за ними лежал канал имени Москвы. По каналу шла ржавая баржа.

Вдалеке присвистнула электричка, и Катя испуганно вско-

чила, кинулась к лестнице, но наконец, увидела отца, медленно идущего к платформе. Напоясная сумка расстёгнута, но журнал в руке, слава богу.

– Пап, ну чего так долго? – чуть не плакала Катя. – Давай быстрее.

В этой электричке найти два свободных места было уже труднее, но они сели друг напротив друга. Катя ждала объяснений или извинений, но, подняв на отца глаза, полные слёз, заметила, что с ним что-то не то.

– Ну ты чего, малыш? – невнятно сказал он, посмотрел незнакомыми прозрачными глазами почти без зрачков и протянул изорванный журнал. Потом поднял руку к лицу, закрыл глаза, немного раскрыл рот и замер. Катя не понимала, что ей делать, и замерла тоже. Вагон качнулся, отец как будто пришёл в себя, почесал щеку и посмотрел непонимающими глазами вокруг. – Разбуди когда доедем.

Кате показалось, что все вокруг в этот момент заметили и странное поведение отца, и её испуг. Она была готова провалиться сквозь землю от стыда, поэтому вжала голову в плечи, раскрыла журнал, уставилась на обрывок чьей-то счастливой семьи и заплакала.

От “Икши” ехали ещё час, ну хоть контролеров в этом составе не было. Отец дремал с нелепым выражением лица. Когда следующей остановкой объявили “95-ый километр”, в вагоне оставалось совсем мало людей. Катя тронула отца за руку, затем несколько раз потрясла за плечо и, наконец, громко

сказала: “Пап, наша. Пора выходить!” Тот открыл по-прежнему стеклянные глаза, поднялся со скамейки и пошёл за Катей к выходу.

Платформа стояла посреди леса, и солнце уже успело спрятаться за высокие ели.

– Пап, посмотри сколько времени. Если больше шести, автобусов уже не будет, пойдём пешком.

– Ничего, дойдём. – ответил он, но всё же полез в напоясную сумку и резко остановился. Последовавшая нецензурная фраза означала, что телефона там нет. Он прощупал карманы спортивных штанов, оглянулся, кинулся назад, но поезд уже тронулся.

– Нет телефона! Чёрт, вот гавно! Не помнишь, когда я последний раз его брал?

– Ещё когда на Икше сидели. А потом ты уходил и вернулся с расстёгнутой сумкой.

– Ты даже не представляешь, насколько это хреново.

Вышли на пустую грунтовку. Километра три она тянулась через лес, потом поворачивала налево к дачам, и там оставалось идти ещё полчаса. Отец, наверное, был очень расстроен потерей телефона, потому что шёл, спотыкаясь, и бормотал проклятья. Почувяв вечернюю прохладу, на охоту вылетели комары. Кате приходилось постоянно прихлопывать их на себе, и это ужасно бесило. Отец закурил.

– Так, сигареты у меня кончаются, надо поскорее до дома дойти, там ещё пачка есть. Давай срежем путь. Вот тут можно

наискосок через лес, и выйдем сразу к дачам.

– Пап, это же опасно! Тут болота везде, помнишь в прошлом году кто-то пропал?

– Фигня! Мы тут раньше всегда за грибами ходили и никаких болот не видели. Пошли, говорю!

Лес был еловый, внутри него стемнело довольно быстро. Комары не давали и шагу пройти. На пути постоянно попадался спотыкучий бурелом, Катя упала, ободрав руки.

– Давай вернёмся на дорогу, пап. Пока недалеко ушли.

– Там идти ещё два часа. А тут срежем и минут через пятнадцать дома. Только бы сигареты растянуть, всего три осталось.

Потом отец тоже оступился и грузно завалился на бок. У Кати не хватало сил ему помочь, и она стала плакать и кричать «помогите!». Отец вдруг рассмеялся, как пьяный. Но когда же он успел напиться? Последние пять часов они были рядом, он точно ничего не пил, и даже если бы выпил тайком, она бы учуяла запах.

– Вот ты, Катька, дура! Кому орёшь-то? – кряхтя, отец поднялся на ноги, и пошёл, спотыкаясь, дальше.

– Мы точно туда идём? Пока ты падал, кажется мы сменили направление.– Катя теперь плакала, не переставая.

– Если сменили, значит вернёмся к дороге, как ты хотела.

Несколько минут шли молча, хватаясь за деревья. “ Господи, ну почему всё так сразу? И контролеры, и страшная Икша, теперь ещё это. Мама, наверное, уже с ума сошла и

обзвонилась”, – думала Катя.

– Вот видишь, из ельника вышли. Начался смешанный лес, значит дачи уже рядом. Только, бля, ноги стали промо-
кать.

Отец запыхался, как будто только что поднялся пешком на 17-ый этаж. Оба сели на поваленное дерево и посмотрели вниз. Оказалось, что трава, по которой они шли после ельника, растёт не из земли, а из воды.

– Ааа, это болото, я же говорила! Мы сейчас тут утонем и никто не найдёт. – Катя поджала ноги, как будто вода поднималась, и заорала. – На помощь! Помогите! Ау!

– Нормально, обойдём! – отец, шатаясь, пошёл немного в сторону, но под ногами продолжал раздаваться всё тот же чавкающий звук.

– Пап, давай вернёмся назад, там хоть дорога. Уже совсем стемнело, мы заблудились и зашли в болото. У меня все ноги промокли и становится холодно.

– Ну куда вернёмся-то? Назад тоже заблудиться можно. Ноги высушим дома через пятнадцать минут.

– Ты про пятнадцать минут говоришь уже целый час, а они всё не проходят.

– Чёрт! – Отец скомкал в руке и отбросил в сторону пустую сигаретную пачку. – Растянуть не получилось.

– Пап, надо остановиться и послушать. Населенные пункты всегда слышно. Машины, собаки, музыка.

– Ну ты умка! – отец, покачиваясь, замер.

Сначала было слышно только комаров. Потом где-то далеко за спиной простучала электричка. Впереди залаяла собака, и Катя, обогнав отца, пошагала на звук, вытирая слёзы.

Из леса вышли в полной темноте. Дома сначала показались незнакомыми, но потом путники сориентировались.

Мама стояла у калитки с фонариком. Увидев её, Катя, наконец, зарыдала во весь голос и побежала вперёд.

– Ну что ж вы так долго? Что случилось? Почему ты вся мокрая? – Мама с ужасом оглядела Катю. Потом направила луч фонарика в сторону шаркающих шагов. Отец, спотыкаясь, закрыл лицо ладонью, прошёл мимо неё в калитку, рухнул на диван на террасе, не снимая мокрых кроссовок, и заснул снова с открытым ртом.

Потом было несколько месяцев непонятного ужаса. Отец был странным теперь всегда. После того, как он несколько раз проспал работу, его уволили. Если он был дома, то почти всегда или спал, или искал что-то в маминых шкатулках и сумочках. Катя боялась возвращаться из школы раньше мамы, а мама ничего толком не объясняла, только плакала, худела и ссутуливалась. Катя боялась с кем-то дружить, потому что пришлось бы делиться переживаниями и объяснять, почему нельзя пойти к ней в гости. А она не могла объяснить, что вообще происходит у неё дома. После уроков поднималась на последний этаж своего подъезда и делала домашку, сидя на ступеньках.

В школу пришла инспектор по делам несовершеннолет-

них. Стандартная лекция о вреде курения, раннего алкоголизма и наркомании. Пацаны-одноклассники переглядывались, хихикали и жестами приглашали друг друга покурить или выпить. Катя знала, что среди всех семиклассников на такое по правде способен только один официальный хулиган, но он-то как раз в перешёптываниях не участвовал. Инспектор перечисляла симптомы, по которым можно определить наркомана: “бледность кожи, расширенные или суженные зрачки, покрасневшие или мутные глаза...” Катя похолодела. “...замедленная речь, плохая координация движений. Если вы знаете, что кто-то из ваших ровесников попал в наркозависимость, не нужно его покрывать перед взрослыми, ему нужно помочь, и чем быстрее, тем лучше. Не бойтесь обратить внимание его близких и педагогов на странное поведение...” Катя почувствовала, что её сейчас стошнит, и выбежала из актового зала.

Вечером Катя поделилась своим открытием с мамой, и та заплакала, облегченно сказав, что даже рада, что Катя наконец знает правду. Это был очень тяжёлый вечер, проведённый в откровенных разговорах и слезах. На следующий день они приперли к стене отца, находившегося в уязвленном состоянии и стали предлагать, просить, требовать, чтобы он сдался врачам. В какой-то момент он даже расплакался, согласился, что-то пообещал, но в конце разговора попросил у матери денег “в последний раз”. Когда она не дала, раскрыл узкую створку окна, лёг животом на подоконник и

свесился вниз. Мать и Катя завизжали, схватили отца за ремень, втянули назад. Он сидел на полу и кричал, что хочет умереть, мать считала успокоительные капли, а Катя гладила отца по руке: “А помнишь, как на речку ездили купаться? Ты меня плавать учил, подбрасывал на руках, все смеялись... Хорошо же было... Почему всё изменилось, пап?” Выпив валокордина, он поднялся и молча ушёл спать.

Потом были какие-то больницы, передачи, которые Катя с мамой носили по пятницам, жуткое состояние отца, в которое доктора вводили пациентов, чтобы те не понимали, что у них ломки. После таких посещений мать и дочь шли до метро молча.

Отца выписывали в положенный срок, несколько дней он сидел дома злой, крушил всё, что в его отсутствие женщины аккуратно прибрали и расставили, орал “хорошо вам тут без меня было, да?”. Потом уходил, и всё начиналось сначала. Бледность кожи, суженные зрачки, мутные глаза, замедленная речь... А без него было, действительно, хорошо. Катя думала эту мысль тайком, боясь обидеть маму или навлечь беду.

Катя теперь спала вместе с мамой, а отец жил один в детской. Однажды вернулся ночью, слышно было, что суетится там, роняет что-то. Потом всё ненадолго затихло, потом слышался стон и грохот. Мама вскочила и побежала к нему, оттуда заорала: “Катя, набирай скорую! Не входи сюда!” Гос-

поди, как же страшно стало Кате в тот момент. Она схватила мамин телефон, но из-за слёз и трясущихся рук совсем не сразу смогла попасть по нужным кнопкам. “Алло, алло, мама, что говорить?”

Дальше всё как в тумане: мама выбежала из детской, не закрыв за собой дверь, схватила трубку, что-то кричала в неё, а Катя, застыв на месте, смотрела на страшного отца, лежащего на полу с открытыми глазами.

Когда приехала скорая, Катя сидела одна кухне и смотрела на небо. За всей жутью последних месяцев она и не заметила, что началась весна, и темнеть стало поздно. С улицы неслись голоса и смех.

Катя уже не плакала, не переживала, не боялась сцены, которую увидела несколько минут назад, не вспоминала речку, не думала ту крамольную мысль.

Врачиха вышла в коридор с какими-то бумагами в руках, открыла входную дверь, впуская водителя с носилками.

– Так, кто будет грузить и нести в машину? – равнодушно спросила она.

– Не знаю, – растерянно отвечала мама, – а кто обычно это делает?

– Я сегодня одна, без санитаря, а в обязанности водителя это не входит.

– Но как же тогда? Я же с дочерью не смогу поднять его.

– Зовите соседей.

– Катя, милая, что же делать? – мама, такая жалкая и

несчастливая, стояла в распахнутом халате в прихожей.

– Там во дворе кто-то сидит...

– Дочк, беги прям в пижаме, попроси ребят каких-нибудь помочь, папе что-то вкололи, но надо срочно в больницу, – мама сорвалась на плач.

Катя выбежала в прохладную темноту, пахнущую новой жизнью. У подъезда стояла скорая. Нет, в такую ночь не умирают, точно не умирают. На детской площадке два молодых мужчины пили пиво. При появлении заплаканной девочки в пижаме они сразу замолкли.

– Вы не могли бы помочь?.. донести до скорой... моего папу, – Катя расплакалась, и парни без лишних слов поставили свои бутылки на скамейку.

На второй этаж они поднялись пешком. В квартире пахло чем-то незнакомым, врач что-то бубнила маме, без сил сидящей на табуретке в коридоре. При виде Кати и незнакомых молодых людей, она вскочила: “Ребята, пройдите сюда, пожалуйста. Вот носилки уже разложены, надо его как-то переложить и отнести в машину. Пожалуйста, помогите.” Мама делала какие-то бессмысленные движения по комнате, отчаянно хваталась то за голову, то за сердце. Пока шли к лифту, Катя пыталась рассмотреть лицо папы. Он лежал неподвижно, но по движению грудной клетки было понятно, что дышит. Парни с трудом занесли носилки внутрь кареты скорой помощи и без слов ушли обратно на детскую площадку. Катя плакала, обняв маму. Доктор протянула им бумажку

с номером больницы и телефоном справочной: «Позвоните утром. Но шансов мало». Когда доктор уже потянула дверцу, Катя заметила, что папа зашевелился и повернул лицо. Они встретились взглядами, и дверь захлопнулась.

– Мы даже этих ребят не поблагодарили, надо подойти. – Мама потянула Катю к детской площадке. Поверх халата на ней был надет плащ, и она стала ощупывать карманы. Ребята стояли на том же месте с тем же пивом, но разговаривали намного тише. Мама достала из кармана несколько сотенных купюр и протянула им:

– Мальчики, спасибо за помощь, возьмите, пожалуйста.

– Нет, нет, не надо, да вы что! – замахали руками они.

Мама снова заплакала и, обняв Катю, пошла домой.

– Мам, так что сказали в скорой? Смогут вылечить?

– О лечении разговора не идёт. Выживет ли, вот вопрос...

– А ты бы хотела, чтоб выжил? – робко спросила Катя и сама себе испугалась.

Бег в одиночку

Я просто зашла в лес и побежала.

Лесопарк был не из тех модных, где все тропинки отсыпаны розовым гравием, а запах сырой земли перебивается запахом сосисок из ярких киосков. Это был природный заказник на бывшей городской окраине, где деревья когда-то высаживались в соответствии с задумкой профессоров-агрономов. Тут тропинки были скользкими после дождя, а запа-

хи пьянили. Время от времени встречались стенды с информацией о деревьях и животных, которых можно встретить. Иногда – домики-кормушки, в которых потерявшие страх голодные белки подъедали за наглыми голубями семечки. Народу в лесу было совсем немного: я встретила только парочку пенсионеров с палками для скандинавской ходьбы, женщину с коляской и бегуна с собакой. Все они уже направлялись к выходу.

Бежать было непривычно, сердце стучало где-то в ушах, во рту пересохло. Я, наконец, сдалась и перешла на медленный шаг. Прямо над головой гаркнула ворона, требуя, чтобы я поскорее прошла мимо её гнезда и не нервировала. Я читала про случаи, когда вороны, защищая птенцов, кидались на случайных прохожих и клевали прямо в темя. Пришлось опять ускориться.

Впереди уже виднелся бетонный забор, где-то за ним разгонялась электричка. Так далеко от дома я ещё не заходила. Надо было, конечно, там сразу и повернуть назад, но мне не хотелось опять беспокоить ворону. Решила дойти до забора, и побежать налево.

В заборе пряталась ржавая калитка, за ней в перелеске стояло два четырехэтажных обшарпанных дома послевоенной постройки, обнесенные деревянным штакетником. По выкрашенным красной краской фасадам шли трещины, на подоконниках и крышах проросли кусты. Вид завораживал своей винтажностью. Я даже не поняла сначала, живут ли

до сих пор в этих домах. Звук проносающейся где-то рядом электрички заставил вздрогнуть. Я достала из кармана куртки телефон, чтобы сфотографировать это место для своего инстаграма, но вдруг ощутила, как целая толпа мурашек скатилась по моему позвоночнику. Стук электрички сменился на лай своры собак. Они бежали как раз по той дорожке, на которую я собиралась свернуть после удачного кадра, но теперь было, конечно, не до него. Бездомных собак я боюсь гораздо больше, чем ворон.

Я рванула в калитку, и собаки взорвались ещё более громким лаем, приняв игру. Несколько раз я споткнулась о куски асфальта, которые наезжали друг на друга, как льдины во время ледохода. От падения меня спас только адреналин и инстинкт самосохранения. Я напрасно пыталась найти глазами хоть кого-то, чтобы попросить помощи и укрытия – ни единой живой души, ни одного автомобиля. Только ржавые турники и сломанные скамейки были свидетелями этой страшной, лающей и истекающей бешеной слюной погони. Впрочем, где-то всё же были слышны голоса. По крайней мере, один – точно.

Я вбежала в первый же подъезд и постаралась закрыть за собой дверь, но она предательски заскрипела и снова раскрылась. В темноте пахло сыростью, а ступени были неприлично высокими, так что я снова споткнулась. Ужасные животные звуки приближались, и не было никаких сомнений в том, что они меня догонят. На первом этаже был длинный

коридор на несколько квартир, заваленный ремонтным мусором. Я, прыгая через две ступени, стала громко кричать, прося о помощи. На втором этаже дверь в общий коридор была вообще заколочена. Я вбежала на третий, кричала и стучала в ближайшие двери.. Подъездное эхо принесло снизу злобный лай, значит собаки догадались засунуть свои бешеные морды и лапы в щель и отодвинуть дверь. К моему огромному ужасу, ни одного замка не щёлкнуло, и ни одного человеческого голоса не откликнулось на мои крики. “Что ж вы за люди такие, – орала я, – спасите меня, откройте хоть кто-нибудь!”. Искать укрытия оставалось только на последнем, четвёртом, этаже. Там я решила не только барабанить в двери, но и дёргать за ручки. Первая же дверь неожиданно поддалась, открылась, и из квартиры на меня буквально выпал старик с испуганным лицом. Я даже не успела предупредить его о своре собак, ввалилась в его квартиру, сразу же оступилась и упала в темноту вонючего коридора. Дверь за мной захлопнулась.

“Ну и кошмар: вороны, собаки, старик... Почему так болит шея? Стоит, наверное, открыть глаза и лечь поудобнее” – подумала я, когда проснулась. Но открыть глаза и поменять позу я всё равно не смогла, так что вряд ли это можно было назвать “проснулась”. Я лежала и двигала веками, в тишине даже слышала, как шуршат ресницы, но ничего не менялось. Через минуту стало понятно, что болит не только шея, но и лицо. А ещё через минуту я догадалась, что глаза мои дав-

но открыты, просто вокруг крошечная тьма, а я лежу лицом в пол. Господи, да что происходит? Пошевелив пальцами и убедившись, что ладони упираются в твёрдую поверхность, я оттолкнулась и подняла голову. Темнота имела горизонтальную прореху где-то впереди, пропускающую тусклый свет. Я с трудом села и полезла за спасительной подсветкой телефона, но его не было ни в одном кармане. Вороны и собаки отошли на второй план, уступив первенство моему страху темноты. Пришлось шарить руками вокруг себя. С трёх сторон я дотянулась до стен, а впереди оставалась бездна со светящей полосой. Так. Если это был не сон, то когда старик выбежал на лестницу, я споткнулась и упала лицом вперёд, наверное, потеряла сознание. Значит, и очнулась в коридоре, а входная дверь у меня за спиной. Я поднялась на ноги и стала ощупывать стены. Да, вот тут, пожалуй, совсем другая фактура на ощупь. На дверь похоже. Я водила руками вверх и вниз, влево и вправо. Нащупывала выпуклости и впадины, но нигде не находила дверной ручки....

Ситуация становилась яснее. То ли оттого, что глаза привыкали к темноте, а мозг начал осознавать своё расположение в пространстве, то ли оттого, что свет из щели становился ярче, я стала различать светлые стены коридора и две темные двери впереди. Я находилась в чужой квартире. В квартире старика, который открыл мне дверь и стал жертвой собак. Нет, он не мог открыть мне дверь, ведь изнутри не было ручки. Значит, это я открыла ему дверь, а он поспешно

выбрался наружу. Когда же он вернётся и выпустит меня отсюда?

Свет был виден только под одной из дверей, он становился ярче. За этой же дверью стали слышны какие-то шорохи. Похоже, там кто-то был. Чёрт, да это старик вернулся, пока я была в отключке! “Эй, – крикнула я, – есть кто дома? Простите, что вошла без разрешения.” Мне никто не ответил. Я постучала в ту дверь. “Простите, пожалуйста, мне нужна помощь. Можно войти?”. Ответа не последовало. Но тут хотя бы была ручка.

Я потянула дверь на себя, отступив назад. Это меня и спасло от падения с десятиметровой высоты на горы кирпича, битого стекла, торчащей арматуры и, кажется, человеческого дерьма. За дверью начиналась улица и тот самый скудный перелесок, проросший на развалинах. Потом был деревянный забор и снова лес. Шорохи, которые я приняла за человеческие, были шумом деревьев. Где-то за ними вновь вскрикнула и пробежала электричка. Светало.

Тыльная сторона дома, которую не было видно от калитки, оказалась обрушена. Винтаж в миг превратился в обычную страшную заброшку.

Я схватилась за дверной косяк и заорала изо всех сил, спугнув стаю голубей с крыши. Только они меня и услышали.

Вторую дверь из коридора я открывала уже в полном ужасе.

На этот раз мне досталась тёмная холодная комната. Един-

стенное окно без стёкол довольно криво было забиты досками. Пахло пожаром. На стенах кое-где оставались обои. Под ними виднелись обрывки пожелтевших газет, поклеенных по старой советской традиции. В углу стояла кособокая этажерка с банкой, наполненной водой. На полу брошено истерзанное пальто. Рассохшиеся паркетные дощечки были выломаны почти по всей комнате, часть их в виде углей виднелась в кострище под окном, а ещё штук двадцать были сброшены в кучу рядом. Пол зиял гудроновой чернотой. А потолок был покрыт копотью. Я сползла по стене и зарыдала от отчаяния.

Когда в оконных щелях стало совсем светло, я вернулась к двери, ведущей на улицу в надежде докричаться до кого-нибудь или стать замеченной кем-то, случайно проходящим мимо. Ну не может так быть, чтобы тут не лазали соседские мальчишки или не приезжали на разбор завалов собственники территории, или не патрулировали полицейские, или не жили бомжи... Тот дед, похоже, и был бомжом. Сколько же он сидел взаперти тут в квартире? Удалось ли ему спастись от собак? Если да, то вернется ли он за мной? А если не спасся? Если его разорвали на куски прямо на лестнице? Да меня же тут просто не найдут! Я снова зарыдала. Телефон, скорее всего, выпал, когда я бежала. Если его подберут, если он не разбился, если он ещё не разрядился... Да кто же будет докапываться до истории попадания чужого телефона на свалку?..

Но должен же кто-то заметить мою пропажу, поднять шу-

миху... А кто, Даш? Кто?..

Электрички ходили довольно часто, но не настолько близко, чтобы из них можно было заметить меня. Судя по звуку, скорости они не сбрасывали, значит до платформы отсюда далеко. Между электричками наступала тишина, и слышны были сирены скорой помощи и тявканье собак. Точно не тех, по вине которых я оказалась в запертой квартире разрушенного дома. Это были собаки, чинно гуляющие по дорожкам лесопарка со своими разумными хозяевами, которым никогда и в голову не придёт заглянуть в заброшенный квартал и услышать мои крики. Мимо этих собак сейчас наверняка пробегают спортсмены в наушниках и проходят глухие пенсионеры. А уж от молодых матерей тем более нечего ждать, у них слух настроен только на попукивания внутри коляски. От понимания своего безвыходного положения я снова заорала. Вернее, решила заорать. Открыла рот, напрягла связки, а звука не услышала. Вот и всё. Последний инструмент для возможного спасения, мой голос, был сорван утренним воплем, и исчез. Всё одно к одному. Как назло. Что ж за наказание такое? За что, блин? Разозлившись на себя же, я пошла ко входной двери, оставив дверь на улицу открытой. В коридоре стало светлее, но света на ситуацию с ручкой не пролилось. Её по-прежнему не было. Вероятнее всего, когда-то она тут была, но потом выломалась или была удалена специально, я не знаю. Наверное, если бы у меня был нож, я могла бы расковырять тут до механизма и попытаться сдви-

нуть его. Но ножа у меня всё равно не было.

В кострище на полу я нашла косточки мелкого животного или голубя. От одного вида меня затошнило. Так как спазмам не удалось извлечь ничего из моего желудка, я поняла, что не ела и не пила очень давно. С тех пор, как вышла вчера на эту чёртову пробежку. Ни ножа, ни спичек, ни еды в комнате не нашлось. Ничего, что могло бы мне помочь.

Вода в дедовской банке совершенно не внушала доверия, но очень хотелось помыть руки и лицо. Поэтому я пошла на свой воображаемый балкон, долго принюхивалась к жидкости, полила сначала на руки, потом умылась. Пить очень хотелось, но я не решилась. “Балкон” пришлось использовать ещё и как туалет.

Какие ещё шансы на спасение у меня есть? Если сюда забежит какая-нибудь другая дура, чтобы сфотографировать старые бараки, главное ее не пропустить. В конце концов, в лесу всё растаяло, самое время гулять и бегать. Уж если даже я первый раз в жизни побежала, то заядлым спортсменами сам бог велел, как говорится. Ау, бог! Повели им меня найти!

Родители так обиделись, что я от них уехала, что вряд ли позвонят раньше нового года, когда не получат открытки. Светка тем более не станет искать, сидит там в своём Звенигороде и не хочет ничего менять. Ей легче жаловаться на жизнь, работать на почте и напиваться по субботам. Когда я сказала, что сняла квартиру в Москве и поеду искать работу,

Светка аж позеленела. Отговаривать стала, ну как же я там одна буду. На самом деле, конечно, позавидовала. Месяца четыре уже не звонит, не пишет, но вижу, что смотрит мои сторис. Когда узнает, что я вот при таких обстоятельствах загнулась в Москве, наверняка скажет “а я же говорила”... Вот квартирная хозяйка – точно хватится меня в начале следующего месяца, когда придёт время платить. Это значит, недели через две. Пока решит пойти в милицию, пока объявят в розыск... Ещё месяц... Нет, не продержусь. А может и в милицию не пойдёт, просто вынесет мои шмотки на помойку и пересдаст квартиру. Мало ли желающих на такую дыру за восемь тысяч... Убитая однушка без мебели совсем. Хорошо хоть плита есть и ванная. Холодильника даже нет. Блин, я ведь там на столе оставила курицу... Скоро протухнет и начнёт вонять... Может, соседи почувствуют и вскроют квартиру пораньше, чем через месяц...

Переехала я в ноябре. Сначала курьером была, какие-то документы возила по городу, замучалась жуть. Потом стала тут в районе листовки раздавать в кафе у метро, с восьми до четырёх. Вечером сменщик приходил работать, студент, по утрам не мог. Я шла домой и в телефоне искала всякие бесплатные лекции и курсы по соцсетям. Менеджер в кафе обещал меня назначить смм-щиком, если научусь делать таргетированную рекламу. Вот, кстати, он тоже может меня хватиться. Но так как телефон не ответит, то он просто плюнет. Наймёт другую стоять с листовками в дождь и снег. Сейчас

вспомнила кое-что. Каждое утро, когда ходила к метро на работу, я встречала странного парня. В шортах ниже колен. И в ноябре, и в феврале. Каждое утро: я к метро – он навстречу, я домой – он навстречу. Всегда в наушниках и смотрит поверх моей головы. Я бы на его месте уже здороваться начала. Я всё думала, ну куда ж он ходит по такому графику. В той стороне только серые пятиэтажки, потом школа, больница, магазин и лесопарк. Кстати, почему я не встречала его в декабре и январе? Наверное, в мороз он всё же надевал брюки и становился таким обычным, что я его не узнавала.

До вечера я так и ходила из угла в угол: то в одну оконную щель посмотрю, то в другую дверь плюну. Плевать, правда, стало совсем нечем из-за жажды. Била дверь ногами, надеясь сломать, потом плечом с разбегу – как в кино. Выбила только плечо, опять плакала – от боли и одиночества.

Я, когда только сняла эту квартиру, с ума сходила от счастья: одна же!!! Сидела в туалете, не закрывая двери, курила, лёжа в ванной, танцевала голая. Мать с отцом бы увидели – представляю как рты бы открыли. Так и танцевала, представляя их недовольные лица. Пусть стоят и смотрят, заорать-то всё равно не смогут, потому что стоят они только в моём воображении. И так классно было жить одной, пока однажды ночью в январе не ударил мороз. Возвращалась домой поздно вечером, а подъездная дверь примёрзла. Днём, наверное, всё таяло и было мокрое, а под вечер заледенело. Дёргала-дёргала, дверь не открывается. Там ещё кодовый за-

мок такой древний... И позвонить было некому, и ждать, что кто-то выйдет из нашего пенсионерского подъезда вечером погулять, было наивно. Так и стояла целый час. Потом увидела, что в соседнем дворе кто-то машину прогревает, побежала к нему, “помоги, мужик!”. Так он дверцей хлопнул и уехал. Вот они, блин, в Москве своей офигели. Ну, я вернулась к дому, ходила по двору туда-сюда, поняла, что совсем ног уже не чувствую. Вот тогда мне впервые стало очень одиноко. Стояла там посреди чужого города и никому до меня не было дела – поела ли я сегодня, надела ли шапку, пришла ли домой с работы... В общем, в тот раз я долго держала дверь, пока лёд на замке не оттаял. С дверями у меня какой-то кармический узел, по ходу. Мне Светка про такое рассказывала.

На второй день я проснулась на полу от холода и шума: снаружи пошёл дождь, а дверь на улицу я вчера не закрыла. Хотела даже надеть дедовское пальто, лежавшее на полу, но отбитое плечо не позволяло засунуть руку в рукав. Села в угол, накрылась этим пальто кое-как и нащупала что-то твёрдое в кармане. Сердце чуть не выпрыгнуло от волнения. Но, эх, ничего полезного: только изогнутый стержень от старой шариковой ручки и пожелтевшая тетрадь без обложки. Когда-то она была “толстой”, как говорят в школе. Половина листов уже выдрана, несколько следующих страниц выцвело на солнце, так что невозможно даже понять, буквы там и цифры. А вот дальше начинались чернила поярче...

«Я Геннадий Иванович Пчелинцев искал где переночевать снег растаял дошёл через лес к старым баракам ходил по комнатам нашёл где почище но дверь захлопнулась
Хорошо хоть спички есть ночью холодно жгу паркет
Нашёл банку, набрал дождевой воды а есть нечего
Голубь залетел с улицы примета плохая но обед хороший
Уже не знаю сколько дней я тут остаётся только спать кричать не могу ждать нечего

Хотел помереть дома в деревне а вот как жизнь повернулась никто и не узнает и не найдёт

Пчелинцев Г.И. 1959 г.р. дер.Обухово может сестра ещё жива

Бросал записки о помощи на улицу но никто не ходит и дождь смыл

В 1982 я женился и комнату получил только с женой не сложилось изменяла так что все знали. Однажды кинулся из окна да меня спасли. Вот сейчас тоже только и остаётся в окне выйти но жить почему-то хочется. После того случая я и в психушке лежал и инвалидность получил по травмам. Жена сбежала. Прописал к себе брата. У него тоже семья распалась но хоть дочь навещала. А когда брат умер племянница меня обманула и выгнала из квартиры

Всё как у всех

Может и найдёт кто...»

Как я ни тёрла глаза, слёзы так и не потекли, застряли где-то в горле. Где ты теперь, Геннадий Иваныч?

Записки – это идея, но дождь зарядил – вряд ли сегодня кто-то будет тут гулять. Надо использовать этот дождь, набрать в банку воды. Мне Светка когда-то рассказывала про лечебное голодание: можно неделю ничего не есть, но пить нужно.

Я еле поднялась на ноги от слабости, пальто всё же натянула на себя, чтобы не простудиться ко всему прочему. Дверь открыла, там дождь стеной, струйки льют как из-под крана, только успевай набирать. Только они с крыши льют, а значит смывают оттуда голубиный помёт и всю грязь, которую птицы приносят на своих ногах. Вот, кстати, тоже идея: поймать голубя, какой-нибудь ниткой привязать на ногу записку и отпустить. Может, в каком-то дворе дотошные мальчишки прочитают и расскажут взрослым?.. Я села на край плиты, за которой начиналась улица и вытянула ту руку, которая не болела. Банка оказалась чуть дальше грязных струй с крыши, но капли попадали в неё не очень часто. Рука быстро устала, пальто намокло.

У пальто, кстати, была замызганная подкладка красного цвета. Я её оторвала по швам и привязала к наружной дверной ручке. Когда дверь закрыта, она будет болтаться на ветру, как опознавательный знак. Если кто-то будет здесь ходить – заметит.

К вечеру литровая банка была полна. Так как дождь лил весь день, я позволяла себе отпивать, когда хотела, и снова выставляла наружу руку. День был какой-то бесконечный, в

голову лезли воспоминания. В книжках обычно пишут, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Может, это как раз мой случай.

«Я Даша Степнова. С большей радостью написала бы сейчас в инстаграм, но телефон утерян.

Помню, когда мне было 10, сидели с бабушкой у окна на даче. С самого утра зарядил дождь и мы смотрели, как между грядками набирается вода. Ждали вечера, когда приедут родители из города. Казалось, что всё сразу наладится. Жаль, что бабушки уже нет, а родители не знают, где я. Друзей я в Москве так и не завела. Просто зашла в лес и побежала.»

На третий день стало очень тяжело. Хотелось есть, пить и плакать, плечо ныло от боли, внутри всё ныло от тоски. Без телефона я понятия не имела сколько времени. Вроде в щелях светло – значит день. Дождь затих.

И почему я в первый же день не спрыгнула вниз? Ну сломала бы что-то, ну поранилась, но поползла бы до тропинки. Сейчас сил уже нет ни выползти, ни спрыгнуть.

Я сделала глоток и снова провалилась в сон. Мне снился Геннадий Иванович Пчелинцев, который выпадает из нашего с ним окна, потом поднимается по ступеням, заходит в квартиру и снова идёт к окну, перевешивается через подоконник и исчезает. Я высовываюсь посмотреть, но его внизу уже нет, слышен только хруст шагов по развалинам, чертыхания и голос: “Ээй, есть тут кто-нибудь? Ээй!” Голос я услышала так чётко, что даже проснулась. Уставилась в обо-

дранную стену и прислушалась. Хруст слышался и наяву. Я с трудом села и прислушалась внимательнее. В оконных щелях было не слишком ярко, наверное, уже вечер. Да, пожалуй, хруст продолжался. “Эй, есть кто живой?” Да неужели у меня слуховые галлюцинации или я ещё сплю? Это же голос из сна. Опираясь о стену, я поднялась и медленно пошла. Вообще мне казалось, что я бегу и распахиваю дверь, но нет, я еле переставляла ноги.

Внизу, на развалинах, стоял парень с фонариком. Когда я открыла дверь, из-под неё что-то посыпалось вниз и он оглянулся на звук. Я не смогла ничего сказать, только отшатнулась назад и потеряла сознание.

Что за страшное дежа вю – снова очнуться на этом полу. На этот раз я сразу вспомнила, что произошло что-то очень хорошее. И в этот момент открылась входная дверь. “Не дай ей захопнуться!” – закричала я. Вернее, мне хотелось закричать, а получился только шёпот. Но парень понял, и ногой пододвинул под дверь какую-то рухлядь из общего коридора.

– Ты как? – он опустился рядом со мной на колени, схватил запястье, приложил руку ко лбу. – Идти сможешь?

– Было бы куда! – я постаралась улыбнуться. – Воды нет?

У него в рюкзаке было всё: и бутылка воды, и влажные салфетки, и свёрнутая куртка, и даже бутерброд в фольге.

– Хочешь позвонить кому-нибудь? – Он хитро улыбнулся и протянул телефон, но я покачала головой, даже не посмотрев. – Я на улице вот этот разбитый самсунг нашёл, не твой

случайно?

Не думаю, что я когда-нибудь чувствовала себя счастливее, чем в тот момент, когда спускалась по ступенькам с бутербродом и бутылкой воды, в мужской куртке, надетой поверх дедовского пальто без подкладки, надетого поверх своей спортивной куртки.

– Ты там на лестнице ничего странного не встретил? – я вспомнила про деда.

– Нет вроде. Обычная разруха. Тут больница недалеко, сможешь дойти или вызвать скорую?

– Дойду, если на тебя опираться. – Мне было не до флирта, но я, наконец, оглядела своего спасителя с головы до ног и вдруг обнаружила, что он одет в чёрную кенгурушку с капюшоном и чёрные шорты ниже колена. Я даже рассмеялась. Это же тот самый парень! – Как ты меня нашёл?

– Слушай, история тёмная, мог и не найти. – Мы наконец выбрались из этого проклятого дома и проковыляли через грязный двор. Я старалась даже не смотреть по сторонам, чтобы поскорее забыть всё это. После калитки повернули направо, туда, откуда прибежали собаки. – Вот туда метров двести, и будут ворота больницы. Я там интерн в хирургии, а три дня назад остался дежурить в приёмном. С улицы привезли деда-бомжа еле живого. Я так понял, что уличные собаки покусали, и упал ещё. Пока его обработали, прокололи всем необходимым, вроде пришёл в себя. На следующий день я стал его опять расспрашивать, что помнит про себя, а

он начал как будто бредить: про барак в лесу и девочку в закрытой квартире. Фамилии своей не вспомнил, а про девочку повторил сто раз. Пальцем в окно тыкал на лесопарк наш. И как видит меня – начинает плакать: девочка там заперта. Спрашиваю – внучка? Мотает головой. Спрашиваю – у тебя дома? Мотает головой. Спрашиваю – где-то в лесу чужая девочка в доме? Обрадовался, закивал, за руку меня схватил, мол, спаси. А я что – МЧС что ли?

Лес впереди, действительно заканчивался. Если бы я в тот день побежала налево, то довольно скоро оказалась бы на той же улице, где заходила в лес, только немного подальше, как раз у больницы. Как мы дошли до неё – не помню. В приёмном меня попросили раздеться, стали измерять давление и температуру, спрашивали адрес и телефон родных. Пришлось дать родительский. Мой спаситель крутился рядом, хотя его смена давно закончилась, и все его вежливо называли Александр Игоревич. Потом сел рядом со мной и продолжил рассказ.

– Сегодня утром дед умер. А я всю смену только и думал про девочку в закрытом доме. Узнал, откуда деда привезли к нам, посмотрел по карте, что там рядом. Подумал, что милиция вряд ли такому поверит, и после работы пошёл сам. Дальше ты знаешь, Даш. Ты ведь Даша, я правильно расслышал? А я Саша. Теперь твоя очередь рассказывать, как ты там оказалась. – Мне стало очень жаль, что я не смогу больше увидеть этого деда, чтобы поговорить обо всём и побла-

годарить, получается. – К сожалению, имя деда мы так и не узнали...

– Пчелинцев он! Геннадий Иванович! Из деревни Обухово! – возбужденно зашептала я, подняла с пола пальто, достала из кармана свернутую в трубочку и тетрадь и протянула Саше. – Вот!

Из приёмного меня повели по каким-то кабинетам, что-то спрашивали, что-то высматривали у меня внутри и снаружи, постукивали, прощупывали... Похоже, что дали что-то успокоительное, потому что мне стало очень хорошо. Потом привели палату и сказали, что нужно понаблюдать за мной пару дней. Я была не против. Чистое постельное бельё и стакан компота на тумбочке манили сильнее, чем протухшая курица в съёмной квартире. Я легла.

Через несколько минут вошёл смеющийся Саша с дедовской тетрадкой в руке.

– Ты уж извини, я до конца прочитал. Что ж ты сразу не сказала, что давно следишь за мной? Бывают же такие совпадения...

Я покраснела.

– А почему ты с марта по декабрь в шортах? Морж, что ли?

– Да я просто в прошлом ноябре новую татуху набил на лодыжке, глупо было сразу прятать её под штанами.

Он повернулся боком и продемонстрировал на ноге значок голливудского Супермена.

Золотое руно материнства

В послеродовом отделении на утренний укол выстраивается очередь из казённых бесформенных ситцев. Они измяты и окровавлены в неравной битве природы и медицины.

Напротив сестринского кабинета открыта дверь в палату. С ближней кровати свисает толстая

чёрная коса Айнуры. Она смотрит в окно. После тяжёлой ночи в родильном зале шевелиться совсем нет сил. Всё, что ниже талии, ощущается как одна огромная рана. Губы засохли и потрескались от того, что рот несколько часов подряд был открыт для крика. Соседки по палате, разродившиеся днём раньше, до сих пор щедро рассказывают интимные подробности подругам и родственникам по телефону. Всё, что может вспомнить Айнура – как

ей показывают синюшного орущего младенца, и тут же забирают.

Айнура просыпается от громкого голоса нянечки, развозящей детей на кормление. Соседки по палате тянут руки к одинаковым свёрткам. Айнура пытается подняться, но сидеть очень больно, она поворачивается на бок. Взволнованно подглядывает, как женщины прилаживают к открытым грудям маленькие сморщенные мордочки, подслушивает, какие слова используют русские в таких случаях. В коридоре слышны шаги, сердце Айнуры

замирает, но напрасно. Ей ребёнка не приносят...

Вдруг становится так же страшно, как когда муж увозил её в Москву. Не решился оставить одну после всего, что с ними тогда произошло.

Главврач отделения приходит к Айнуре на второй день и говорит с ней, не стесняясь соседок.

Он старается быть одновременно беспристрастным и убедительным, поэтому разговаривает, как учитель первых классов.

– Ты хорошо понимаешь по-русски? – Айнура испуганно кивает. – У ребёнка инфекция. Возможно, у тебя тоже. Нужно сдать дополнительные анализы. Ребёнку нужны редкие препараты. Муж сможет купить? – Она трясёт головой. – Тебя мы обязаны выписать завтра, а ребёнка – не можем, его переведут в специальный детский корпус и будут лечить. Ты согласна? – Она согласна. Потому что привыкла быть согласной, не умеет спорить с мужчинами и понятия не имеет, куда идти в этой огромной Москве, если её

завтра выпишут с больной дочкой. – Скажи, что случилось с твоим первым ребёнком?

– Он умер через двадцать дней.

– Ты знаешь почему?

– Нет, мне никто не говорил.

– Но в роддоме тебя и ребёнка обследовали? На какой день выписали?

– У нас там нет роддома, это была простая сельская больница. Я родила и ушла домой через два часа.

– Ясно. Сколько времени прошло с первых родов?

– Год.

– Как год? Ты потеряла ребёнка год назад и забеременела через месяц?

– Через три. Муж сказал, надо пробовать ещё.

Доктор разводит руками, порывисто встаёт со стула и оборачивается к соседкам, заглядывая в их карты.

– Тааак, у вас сегодня третий день, по УЗИ всё в порядке, так что обеих выпишем после обеда, через час подойдёт детская сестра.

Соседки улыбаются и сжимают в руках телефоны, готовые к срочной рассылке новости.

– У меня молоко пришло, что делать? – робко спрашивает Айнура у доктора, уже выходящего в коридор.

– Придётся сцеживать руками и выливать. Кормить тебе пока нельзя. Я попрошу нянечек, чтобы подошли и помогли.

Дальше в палате начинается радостная суэта, соседки без конца звонят родственникам, объясняя, где лежит атласный конверт для ребёнка и бумажные конверты для врачей. Айнура сквозь навалившиеся сны и отчаяние чувствует, как тяжелеет её грудь, наполняясь чем-то

таким, чему невозможно противостоять.

Когда счастливых соседок с их здоровыми детьми забирают их радостные мужья, Айнура остаётся в палате одна. Вечера, когда её позвали в детское отделение, она видела дочь. Маленькую, с густыми чёрными волосами, оплетённую тру-

бочками внутри прозрачного

кювеза. Рядом лежали и другие дети, но лишь увидев эту девочку, Айнура почувствовала, как внутри живота сжалось то место, что вынашивало эту малышку из кювеза восемь беспокойных месяцев. Утром третьего дня дежурная сестра заглядывает по очереди во все двери, напоминая молодым матерям о необходимости забора крови и получения уколов. Последняя дверь, ровно напротив сестринского кабинета, уже открыта.

В утренних сумерках на заправленной кровати сидит, готовая к выписке и одетая в своё, Айнура. Толстая чёрная коса аккуратно закручена на затылке. Одной рукой девушка достаёт из разреза блузки тугую грудь в голубых прожилках, другой пытается нажимать на неё так, как показали вчера грубые бесцеремонные нянечки. Прямо под грудью, на её коленке, стоит пустая баночка из-под йогурта, в которую неравномерно то стекает, то брызгает материнское молоко.

Туда же капают и слёзы, которые нечем утереть.

Дружок

– Мам, я обувь снимать не буду, у тебя все тапки и пол в кошачьей шерсти. В прошлый раз даже носки выбросила.

Алёна недовольно поджимает губы, глядя в зеркало, и идёт в ванную комнату. На раковине лежит такой жалкий обмылок, что она просто ополаскивает руки под тёплой струёй.

Затем стряхивает воду с рук, избегая несвежего полотенца. На кухне охает Анна Ивановна, разбирая привезенный дочерью пакет с продуктами.

– Ну зачем же всё такое дорогое? И маслины – разве я буду их есть? Забери, а? – Анна Ивановна раскладывает по полкам старого маленького ЗИЛа деликатесы, и начинает шаркать между плитой и столом. – Картошечка сварилась, из селёдки выбирала косточки целый час!

– Тут даже сесть негде, мам. Всё в шерсти. Брысь! – Алёна машет ухоженной рукой на серую кошку, и та недовольно спрыгивает со стула. Анна Ивановна расстилает на стул кухонное полотенце – на этот раз чистое, из шкафа. Выставляет перед дочерью свой обед, та морщась, присаживается. – Ладно, давай маслины откроем прямо сейчас!

Алёна оглядывает знакомую кухню. Вот эти занавески тут висят ещё с выпускного класса. Вот эта селёдочница с золотым ободком напоминает шумные семейные торжества. А ножка табуретки сохранила следы собачьих зубов.

– Как ты живёшь с этими кошками? Вонь, шерсть, и, наверняка, спят в твоей кровати. Дружку ты никогда такого не позволяла. Помнишь, он каждую ночь залезал к тебе в ноги, а ты ругалась и сталкивала его на пол?

– Зато потом он шёл к тебе, и уж ты-то его пускала прямо на подушку! Вонял, он, кстати, не меньше кошек, но его ты почему-то терпела.

– Помнишь, как я с ним вышла гулять зимой в той дурацкой шубке из искусственного советского меха? Стала кататься по ледяной дорожке. Дружок в восторге бегал за мной туда-сюда. И лаял, как будто требовал объяснений этого фокуса. А потом я упала и никак не могла подняться. Он хватал шубу зубами, чтобы поднять меня. – Взгляд Алёны, остановившийся на оконной раме, но предназначенный совсем не ей, становится нежнее. – Досталось же ему потом за оторванный воротник!

– Да, шубка была хорошая, на новогоднюю премию тебе купила. А теперь думаю, может зря я тогда его так налупила, надо было сдержаться, выждать, пока злость пройдёт, и пришить этот воротник молча... – Анна Ивановна, наконец, решается присесть рядом с дочерью. – Попробуй селёдку-то.

– Фу, я такую не могу есть, я люблю финскую в горчичном соусе. А Дружок, помнишь, всё мог съесть – и селёдку, и макароны, и манную кашу. – Алёна снова даёт слабину, но тут же прячет улыбку. – А кофе есть у тебя?

– А как же! – Анна Ивановна, стараясь угодить, поскорее поднимается с табуретки. – Соседка угостила, очень хорошие пакетики «три в одном»! Алёна презрительно фыркает.

– Не надо мне пакетики, я тебе в следующий раз привезу нормальный молотый и френч-пресс, будешь быстро заваривать.

– Да я кофе-то не пью, если только для тебя держать. – В кухню из коридора входит второй серый кот, потягивается, принюхивается и подходит к Алёниной ноге под столом.

– А ну пошёл отсюда! – Кот вероломно получает ногой в живот и отлетает обратно в коридор. – Не смей тереться о мои чёрные рабочие брюки! Мам, выгони их отсюда!

– Да куда ж я их выгоню, они тут хозяева. – Анна Ивановна ласково улыбается котам.

– Дружку ты объясняла по-другому, помнишь? Говорила, что хозяин здесь ты, а он всего лишь безродный пёс, подобранный во дворе.

– Помню, как не помнить. Он так жалобно смотрел, когда в кухне пахло котлетами. А я его вот так же ногой выгоняла, как ты сейчас котов. Этих я, конечно, больше балую. – Анна

Ивановна замечает, что дочь достаёт из банки чёрные ягоды прямо наманикюренными пальцами. – Алён, ты брезгуешь моей посудой, что ли? Хочешь, я вилку дружую дам?

– Да, вилочка, конечно, древняя, но есть я всё равно не буду, я на диете. И вообще, мне, наверное, пора. – Алёна на секунду задумывается. – А у тебя не осталось фотографий с Дружкой?

– Что это ты сегодня его вспомнила? Хватит прошлое ворошить! У меня даже сердце прихватило. Надо принять что-нибудь.

– Ну ладно. – Направляясь в коридор, Алёна говорит: – Мне тоже очень больно было, когда я вернулась из лагеря, а ты сказала, что Дружка пришлось усыпить. Я рыдала неделю. Сколько ему лет-то было, что он так сильно сдал за месяц без меня?

– Ну лет восемь, может, я не помню – Анна Ивановна шаркает за дочерью, шумно выдыхает, вытягивая губы. – Шарф не забудь на крючке!

– Надеюсь, до крючка кошачья шерсть не долетает! – Алёна несколько раз встряхивает шёлковый шарф и завязывает его на шее каким-то особенным узлом. Не давая матери воз-

возможности обняться, быстро чмокает её в щёку. – Ты прям побледнела. Пойди, полежи сейчас. – Даже на секунду приблизившись, Алёна чувствует запах лекарств и невымытых волос, снова морщится. Уже открыв дверь, оглядывается и говорит:

– Хоть сейчас ты можешь рассказать, чем он заболел, и каким ты его видела в последний раз?

Мать опускает глаза, упирается левой рукой в стену, правую прикладывает к сердцу.

– Ты только не ругайся. Я очень жалею, что так поступила...

Алёна замирает на пороге. Коты трутся о её брюки.

– Ты уехала, а я работала с утра до ночи, у меня там проблемы были. Однажды пришла вся на нервах, а он тут у дверей целую кучу навалил. Ну, теперь-то я понимаю, что пёс был старый, не дождался выгула. Но тогда я очень разозлилась. – Анна Ивановна вдыхает поглубже. – Я представила, что такое меня будет ждать каждый вечер. На следующее утро села с ним в трамвай, доехала до конечной, где ветеринарка, выпустила на газон, а сама, не оглядываясь, – на работу. Думаю, добрые люди его потом забрали...

На этих словах старушка отворачивается и очень медленно, по стеночке, уходит в свою комнату.

Алёна чувствует, как дрожат её губы, руки и даже колени. Перед глазами всё плывёт. К горлу подкатывает отвращение. Она резко поворачивается на каблуках, ударяется плечом о дверной косяк и бежит два пролёта вниз, хватаясь то за шершавые перила, то за облупившиеся стены. Вырвавшись из темноты, сырости и безысходности родного подъезда, она наклоняется над постаревшей клумбой и блюёт.

Метафорическая призма

В Туле я оказался случайно. Живу в Москве, работаю продавцом в книжном. График безвыходных я выбрал сам, чтобы не мучиться вопросом, чем заняться дома. На работе я много читаю, а общение с коллегами и покупателями вполне заменяет мне дружбу. В принципе, меня всё устраивает, но не скажу, что счастлив.

Вчера возвращался с работы и чуть не проехал свою Тульскую. Выскочил из вагона, сделал в наушниках погромче группу Tool, и стал подниматься на улицу. Возле метро было что-то странное. Седобородый старик в синем цилиндре и синем сюртуке театрально артикулировал в мегафон. Никто

не обращал на него внимания, но меня его вид заворожил. Я замедлил шаг и вынул наушники. “...бесплатную туристическую поездку... Выигрывают те, чьи фамилии содержат названия городов из направлений нашей фирмы! Рязановых приглашаем на экскурсию в Рязань, Калугиных отправляем на уикенд в Калугу, Ивановых везём в Иваново! Микроавтобусы отправляются немедленно! Повторяю: компания “Метафорическая призма” проводит уникальный розыгрыш путешествий! Бесплатную туристическую поездку выигрывают те...” Мне стало смешно от того, что цилиндр на голове и призма в названии очень геометрично рифмовались. Я остановился и прослушал объявление еще несколько раз. На пятом повторе старик подошёл ближе и посмотрел прямо мне в глаза.

– Молодой человек, вот у вас, например, какая фамилия? – он говорил в мегафон, хотя стоял совсем рядом. Люди проходили мимо, как будто ничего не видели, как будто этот синий гипноз на них не действовал. Никто даже не оглядывался.

– Тулинов, – наконец ответил я.

– И у нас есть победитель! – захрипел старик. – Прямо сейчас комфортабельный микроавтобус умчит вас в самое важное путешествие вашей жизни. – Старик уверенно и фа-

мильярно взял меня под локоть, и потянул к ярко-синему микроавтобусу. Я послушно сел на сиденье рядом с водителем. Ну а что, настроение плохое, можно и прокатиться, раз это бесплатно. Надо только на работе предупредить, что завтра не выйду. Я достал телефон, но он показал нулевой заряд. К моему удивлению, за руль сел сам старик в синем сюртуке. Он подмигнул и забросил цилиндр назад, в салон. Я оглянулся через плечо, и мне показалось, что на задних рядах дремлют и другие счастливики.

Наверное, я сразу уснул. Не могу точно сказать, сколько часов мы ехали до Тулы, были ли пробки на МКАДе и шоссе, останавливался ли наш микроавтобус на заправках и просились ли другие пассажиры выйти в туалет. Я совсем ничего не помню.

Очнулся, когда старик открыл дверцу с моей стороны. Снаружи было так темно, что я даже не понял, стоим ли мы на улице, в лесу или в гараже.

– Выходи-выходи, друг Тулинов. Путешествие продолжается! – когда дверь за мной захлопнулась, исчез и последний источник освещения. Эхо захлопало в ответ и прошагало куда-то в самую глубь темноты.

– А где же остальные туристы? – я начал подозревать что-

то неладное.

– Все именно там, где должны быть: Рязановы – в Рязани, Калугины – в Калуге, Ивановы – в Иваново. – Голос старика удалялся. Я робко пошёл за ним и поймал себя на прокручивании в голове разных сценариев: это такая анимация от турфирмы; это очень плохой сервис; это какие-то мошенники, которые хотят меня ограбить; это похищение ради продажи органов... Но тут в темноте открылся жёлтый прямоугольник света. Оттуда мне помахал силуэт старика.

Не было ни крыльца, ни прихожей, ни коридора, ни ресепшена, так что из темноты я шагнул сразу в комнату. Старые ковры на полу, много книжных шкафов, кожаные кресла, камин, массивный стол. В детстве я представлял, что именно в таких кабинетах пишутся приключенческие романы. За столом сидел всё тот же старик. Никаких карнавальных атрибутов на нём уже не было. Синими оставались только глаза под седыми бровями.

– Садись, Тулинов.

Я решил ничем не выдавать своего страха, вальяжно сел перед стариком, окинул взглядом комнату и сказал максимально равнодушно:

– Красиво тут у вас, хочется всё рассмотреть, запомнить. Жаль, что телефон разрядился, не могу сфотографировать на память. Можно я зарядюсь в номере и зайду к вам позже?

– Зачем фотографировать? Опиши словами! Всё, что в голове сейчас крутится – запиши, чтобы не забыть.

– Так говорю же, телефон разрядился, как записать-то?

– Смешной ты, Тулинов. Думаешь, твой Жюль Верн писал в телефон? Карандашом в тетради пиши!

Я решил, что попал на квест. Наверное, я должен что-то найти и разгадать.

– Ааа, нет, такого не ношу с собой.– Я старался выглядеть развязным.

– Врёшь! – не раздумывая, ответил старик.

– Простите?

– Врёшь. У тебя с собой есть и карандаш, и тетрадь.

– Что? – От макушки по пяток, немного притормозив лишь в согнутых коленях, по мне пробежал холод. При-

вычка искать логические объяснения всему происходящему немного спасла меня. Ну конечно, просто в свои 28 я выгляжу как студент: рюкзак с книжками, наушники под бейсболкой – у таких всегда с собой карандаши, линейки и тетрадки. Старик же не может знать про странную курьерскую доставку на той неделе. Я даже сам не понял, откуда она. На работе передали пакет на моё имя, а в нём – отличная записная книжка в кожаном переплёте. Похоже на сувенир от какого-нибудь поставщика нашего магазина, правда никаких логотипов или сопроводительных записок не было. Закинул подарок в рюкзак и забыл. А ведь он, наверное, так и лежит там. Вспомнился и карандаш, который в прошлую пятницу как из-под земли выскочил мне под ноги. Утром вышел из дома и споткнулся. Думал, опять Мосводоканал какие-то шланги протянул. Оглянулся – нет, на совершенно чистом асфальте лежит карандаш. Как об него можно было споткнуться? Я тогда подумал, что просто не выспался, но карандаш почему-то поднял. Тоже в рюкзаке лежит.

– Карандаш и тетрадь я сам тебе подбросил недавно. Неужели забыл? Доставай, записывай! Мысли, переживания, впечатления. Записывай! – как будто услышав мои мысли, сказал старик.

Больше я не смог держать себя в руках. От страха, я чувствовал, у меня побледнело лицо. Дрожь моих рук на подло-

котниках была очень заметна. Я попытался упереться ногами в пол, чтобы встать, но ноги проваливались в болото. Этого просто не может быть, это какое-то наваждение, а не квест и не анимация. А я ведь даже не предупредил на работе...

– Да кто вы вообще такой? – возмутился я.

– Хорошо, я объясню. – Старик, наверняка, видел насквозь не только содержимое моего рюкзака, но и меня самого. Моё подпрыгивающее сердце, мою ледяную кровь, мои огромные мурашки на спине. – Я, в некотором смысле, и твой добрый ангел, и твой злой демон. Я тот, кто заставляет тебя подолгу стоять у окна, пока небо над соседним домом не станет светлеть. Я не даю тебе покоя. Я – твой талант, Тулинов. Почему ты не пишешь?

Ошарашенный, я послушно полез за тетрадью.

– Да не прямо сейчас, Тулинов! Почему ты всю жизнь не пишешь? У тебя же дар от рождения!

– Дар? О чём вы? Мне совершенно не о чём писать, я живу довольно скучно.

– Вот поэтому и приходится устраивать вам, писателям, какое-нибудь потрясение, чтобы вы очнулись и начали рабо-

тать!

Я догадался. Этот старик гипнотизёр-психоаналитик! Он ввёл меня в транс еще в машине и выведаль у меня всё подсознательное. Вот почему я так крепко спал! Теперь он использует всё это, чтобы подчинить себе. Ну, это хоть не так страшно, как продажа на органы.

– Допустим, вы и правда, немного встряхнули меня. Спасибо за эмоции. Давно таких не испытывал. Допустим, у меня теперь есть, о чём писать. И есть с помощью чего. – Тетрадь и карандаш я сжимал в руках. – Но писать литературно – это ведь нужно уметь! Все эти образы, эпитеты, я ничего такого не вижу вокруг себя. Нет у меня никакого дара!

– Эх, Тулинов – Тулинов, вот тебе последний инструмент, метафорическая призма. – Старик вздохнул и протянул мне какую-то стекляшку. – Через неё ты будешь видеть мир, как писатель. Только не упирайся и не анализируй критическим умом. Смотри и записывай всё, что чувствуешь. Каждый день. Обещаешь?

– Конечно, я обещаю. И что, если я заберу эту призму, то могу идти?

– Можешь. – Старик вздохнул, как директор школы, только что отчитавший двоечника.

– Спасибо. Я только не понял, зачем было везти меня в Тулу? – У меня, наконец, получилось встать на ноги. Книжку с карандашом я снова убрал в рюкзак, а неприметную стекляшку сжал в ладони.

– А кто тебе сказал, что ты в Туле? – старик засмеялся, подошёл к одному из книжных шкафов, отодвинул его лёгким поворотом фурнитуры и скрылся за стеной.

Больше всего я боялся, что дверь будет заперта. Но нет, она открылась без лишних усилий. Снаружи было всё ещё темно, но уже как-то по-человечески темно: фонари светили, машины ездили, люди шагали. Я просто побежал по улице, даже не разглядев, откуда вышел. Я бежал долго, пока совсем не выдохся. Только тогда и заметил, что нахожусь рядом с домом. Сунул руку в карман: телефон на месте, на экране – обложка альбома, следующего в списке после того, что я слушал в метро. Неужели, прошло не больше часа? И батарея не разряжалась? Что это было вообще? Может, обморок или временное помутнение? Может, опять чем-то токсичным мыли подземный переход? Ладно, я найду объяснение чуть позже. Сейчас надо вспомнить, где мои ключи. Похоже, я их уже давно сжимаю в руке. Я посмотрел на свою ладонь, но увидел в ней... стариковскую стекляшку. Значит, не обморок...

Несколько минут я рассеянно стоял, потом дрожащей рукой поднёс эту, как там её, метафорическую призму, к глазам.

Московский вечер устало свисал с неба. Фонари самодовольно заглядывали в лужи и возмущенно моргали, когда проезжавшие автомобили нарушали зеркальную гладь. Москвичи и шины наполняли городской воздух уютным шарканьем, шелестом, и шуршанием. Многоэтажки оживали, радуясь приходу хозяев, как домашние собаки. Те квартиры и питомцы, к кому ещё не пришли, смотрели грустными тёмными глазами на счастливицков из дома напротив. У тех уже пахло едой, мылом, цветами, лекарствами, книжными страницами, сигаретным дымом, да пусть даже и мусорными пакетами! Там уже пахло жизнью. Повседневной, обычной, привычной, незаметной, однообразной скучной жизнью, за которой всегда стоит что-то ещё.

Три бокала

Уже месяц мы живем втроем: я, моя жена Анна и ее новый мужчина. Он ложится в постель вместе с нами. Он сидит с нами за завтраком. Анна каждый день ходит в Университет, чтобы слушать его лекции. Возвращается вместе с ним, накрывает обед, растерянно улыбается ему, посуда в который раз выскальзывает из её рук и разбивается о кафель.

Целый месяц мне дома мерещится запах чужого одеколона, слышатся мужские шаги, и однажды к ужину я автоматически достаю три бокала.

– Почему три, дорогой? – удивляется Анна.

– А разве профессор сегодня не с нами?

Анна меняется в лице.

– Какой профессор?

– Тот, о котором ты всё время думаешь.

– Как ты можешь знать, о чём я думаю? – Анна немного бледнеет.

– Просто ты делаешь это слишком громко, а я точно настроен на твою волну. Твои фантазии осязаемы для меня. Так что, я наливаю твоему воображаемому любовнику?

Анна ошарашенно смотрит на меня целую минуту, потом, запинаясь, говорит:

– Я, должно быть, назвала его имя во сне... Иначе откуда тебе знать? Но... ты неправильно понял, между нами ни-

чего нет! Господи, как это глупо. Я просто выполняла задание, пыталась сочинить романтическую новеллу. Представила его своим персонажем и немного увлеклась... Надеюсь, ты не ревнуешь?

– Конечно, нет, дорогая. Я же знаю, что у тебя нет шансов. Даже если бы ты была в него действительно влюблена.

– Что значит, нет шансов? – Анна замирает с бокалом в руке.

– Он едва ли отличает тебя от других студенток, вы все ему безразличны. Ведь дома его ждёт жена, которой он надёжно очарован.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Просто я тоже вообразил себя кое-что. Узнал его адрес, привычки, любимый парфюм, график... И хотя он оказался чист, я представил, что захожу к нему на кафедру и подсыпаю яд в его любимый молотый кофе. Я знаю, что для гостей он держит другую пачку. А сам пьёт только этот сорт. – Тут я достаю из кармана куртки смятую упаковку от кофе и протягиваю Анне.

– Ты с ума сошёл! Где ты это взял?.. – Она заглядывает

в фольгированный мешочек и видит, что он пуст. – Что ты натворил? Говори скорее, что ты сделал!!!

– Я тоже сочинял романтическое эссе, дорогая, и тоже немного заигрался.